

**ДИХОТОМИЯ СВОЕ – ЧУЖОЕ В РУССКОЙ
И БЕЛОРУССКОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ДОБРА**
(по данным фразеологии)

Рассматривается оппозиция *своё – чужое добро*, проявляющаяся во фразеологии. В статье впервые методом профилирования концептов *своё добро*, *чужое добро* подтверждается важность своего добра по сравнению с чужим, выявляются сходство и различие в представлениях о добре в мировидении русских и белорусов.

Членение мира по оппозициям, среди которых *свой – чужой*, давно известно культурологам, историкам, лингвистам. Подробное описание этих славянских дихотомий принадлежит Вяч.Вс.Иванову и В.Н.Топорову в книге “Славянские языковые моделирующие системы”. О бинарных оппозициях писали Н.И.Толстой, В.В.Колесов. Исследователь А.Д.Юдин предложил понимать их как культурный код, в котором заложен архетипический смысл. Предметом нашего внимания стала оппозиция *свой – чужой* в донаучной, т.е. наивной, картине мира.

Цель нашего исследования – выявить наивную концептуализацию *своего и чужого добра* в русской и белорусской фразеологии.

Одним из фундаментальных семиотических принципов с глубокой древности является деление универсума на два мира – свой и чужой, противопоставление которых имеет множество интерпретаций и реализуется в наборе более частных оппозиций типа правый/левый, здесь/там и др. Деление мира на свой и чужой – одна из важнейших операций в процессе освоения его архаическим человеком, потому что бинарность как общая для человеческой психологии черта физиологически обусловлена.

Человек познаётся через семиотическую деятельность, предполагающую существование другого. Он может выразить себя только потому, что существует другой, способный его воспринимать [1, с. 324]. Он структурирует окружающий мир прежде всего через свое в нем положение: есть *я* и *не я*, есть *мы* и *другие*, есть *мой дом* и *то*, что *вне его*, а это значит, что есть *свое* и *чужое*.

Слово – важнейший источник знаний о человеке. Передавая знание, оно формирует сознание, мирозерцание. Постичь это мирозерцание, уловить его и описать можно, опираясь на уже готовые тексты. Такие тексты поставляют материал для суждений о смыслах слова. Народные выражения могут стать таким материалом для представлений о добре.

Согласно определению Аристотеля, существуют три вида добра: внешнее, телесное и духовное. Оппозиция *свое – чужое* затрагивает в основном внешнее добро.

Для этики гедонизма *добро* (или *благо*) – это слово, с помощью которого люди выражают своё позитивное отношение к вещам, а также обозначают сами вещи постольку, поскольку те являются объектом этого позитивного отношения. Это общее позитивное отношение производно от человеческих интересов, потребностей, желаний, и поскольку данные субъективные интенции многообразны, то столь же многообразны и предметы “одобрения” (или “виды добра”).

Имение, имущество/маёмасць в значении *добро/дабро* связано с корнем глагола *иметь/мець* и относится к материальной культуре. *Иметь* – значит принимать или отнимать, присваивать лично себе в результате какого-либо действия. Таково типично феодальное представление о собственности, отличной от общего достояния всех свободных людей [4, с. 195].

Свой всегда противопоставлен *чужому*, и эта противоположность в человеческом коллективе является одной из древнейших. Историки языка полагают, что слова *чужой* и *чуждый* можно сопоставить со словом воинственного народа готов *thiuda* (‘народ’ в балтийских языках). “Пришли народы неведомии”, – часто говорит русский летописец о нашествии иноплеменных. Вполне возможно, что в таком выражении сохраняется древнейшее представление о чужом: неведомое, страшное приходит войной со стороны в образе чудища. В древнейшем из индоевропейских языков, имеющих письменность,

хеттском, слово *tuzzi* и значит 'войско'. Чужое для сознания древнего человека – это масса, толпа, нелюди, некое чудовище, чудо. "Чужое на протяжении всего древнерусского периода, – пишет В.В. Колесов, – остаётся незнакомым и пугающим. Оно противопоставлено своему. *Svoi* – люди, которые живут вместе и занимаются общим трудом, со временем стали восприниматься как одна большая семья. Это те, кто близок, второе я. Если первоначально слова *свой* – *чужой* воспринимались как характеристика принадлежности к роду, семье, то с развитием феодального строя изменились социальные отношения в коллективе. Семья стала восприниматься как хозяйственное объединение с определённой территорией, граничащей с другими семьями. Поэтому для разграничения принадлежности имущества стали употребляться слова *свой* – *чужой*. Русская форма слова *чужой*, по мнению В.В. Колесова, выражает обычно имущественные отношения. В феодальном мире могли быть чужими (или своими) нива, поле, земля, дерево, сад, лес, вода, стадо, отдельные животные, вещи, а также люди (рабы и холопы). *Своё* и *чужое* всегда следовало различать. *Своё* – это то, что принадлежит тебе, *чужое* – не твоё, что не принадлежит тебе. Можно сказать, что такое представление является народным, оно конкретно и понятно [4].

По данным русской и белорусской фразеологии можно выделить оппозицию *своё – чужое добро*: *Даром чужого добра не желай, да своего даром не теряй; Своё добро теряет, а чужого желает; Чужим добром похвально, а своё под лавку хоронит; Сваё не забывай, а чужого не замай; Чужого добра не гань, а свайго дрэннага не хвалі* и др.

Признак *своего – чужого добра* – это всегда образ. Сознание человека оперирует не столько понятием о предмете, сколько представлением о нём. Такое мышление проявляется в преимущественном внимании к конкретному признаку, к вещественности материальных признаков.

Каждый объект действительности согласно присущим ему признакам осмысливается как элемент некоторой серии (ряда), вступающий в противопоставление с элементами другой серии. Отношение между объектами одного ряда можно представить как своего рода перевод, поскольку они воспринимаются как знаки различных кодов, означающие один и тот же архетипический мифологический смысл [5, с. 37]. Таких кодов в семантическом поле *добро* достаточно много: это язык одежды, пищи, домашних и полевых работ, социальных отношений: *Моё добро, хочу с кашей ем, хочу масло пахтаю; Са свайм дабром за сталом* (еда); *Своё добро сею, вею, чужое – жну, пожинаю; Чужое добро веючы, свае вочы парошыць* (полевые работы); *Чужим добром подносить ведром; На чужое добро нясі слёз вядро* (домашние работы); в русской фразеологии – *Чужое добро не носко* (одежда); *Чужим добром не построишь дом* (приспособление) и др.

Среди фразеологических единиц (ФЕ) информативны те ценностные сопоставления, в которых присутствует формула предпочтения. Представления о *своём и чужом добре* амбивалентны. С одной стороны, человек – полноправный хозяин своего добра. Материальное добро даёт определённую свободу распоряжаться им по своему усмотрению: *Свое добро – хоть в печь, хоть в коробейку; Своя рука да над своим добром владыка*. Подобная белорусская ФЕ *Свая рука – уладыка (цягне ва ўсе лыка)* имеет несколько другое значение – 'приобретение, захват'. Интересна концептуализация *своего добра* в белорусской фразеологии. *Богава дорага, чортава дзёшава – лепей сваё мець*. Оно как бы выходит за рамки оппозиции сакральное – профанное или находится между ее полюсами. Человек, обладающий материальными предметами, возвышается в глазах других людей. С другой стороны, русская ФЕ отмечает, что *В своём добре, да воли нет*. Человек не может свободно, самостоятельно распоряжаться своим добром.

Сквозь призму *своего добра* можно увидеть отношение к человеку: *В своём добре сам большой; У свайм дабры ніхто не ўказчык*. Материальное добро делает человека независимым, он возвышается над другими людьми, т. е. критерием оценки человека для окружающих является наличие у него материальных благ. Чем их больше, тем больше человек, поэтому каждый независимо от своего социального статуса хочет стать обладателем материальных вещей (благ, добра): *Отруби себе ту руку по локоть, которая себе добра не желает*. Эта сема отражена и в белорусской фразеологии, только здесь акцент делается больше на *сохранении* своего добра. Хозяин дома должен быть сторожем и хранителем своих материальных благ: *Што за гаспадар, што свайго добра не глядзіць;*

Хто свайго дабра не сцеражэ, таму кіем па спіне. За своим добром нужно постоянно присматривать, стеречь его, потому что находятся завистники, желающие присвоить чужое добро: *Сваё палучай, а майго не чапай; Не хваліся дабром чужым, хваліся сваім; Сваё не забывай, а чужога не замай.* Последние ФЕ выполняют директивную функцию: береги свое, не трогай чужое. Русская фразеология указывает, что только плохие люди беспокоятся о своем добре меньше, чем о чужих делах: *Лукавые и завистливые не так радуются о своем добре, как о чужой беде.*

Для того чтобы получить *свое добро*, надо трудиться, хлопотать, работать, экономить, беспокоиться, искать, так как просто так, из ниоткуда, оно не возьмётся. Это ярко проявлено в русском материале: *Всяк (мужик) хлопочет, себе добра хочет; Скуп, не глуп, себе добра хочет.* Добро, заработанное своим трудом, надежно, неистребимо: *Наше добро и на огне не горит, на воде не тонет и в земле не гниет.* Добро в русском сознании отдалено, оно не дома, оно в чужом пространстве, оно труднодостижимо: *Ищи добра на стороне, а дом любви по старине; Где свое добро ни нашел, там его и взял.*

Свое добро ценно, дорого, так как оно выстрадано. В то же время и в русской, и в белорусской фразеологии мы встречаем примеры, указывающие, что *чужого* не жалко, оно не представляет никакой ценности по сравнению со *своим*: *Своё добро в горсточку собирай, чужое добро сей, рассевай; Своё добро сею, вею, чужое – жну, пожинаю; Чужим добром похваляется, а свое под лавку хоронит; Чужим добром поступиться – себе не убыток; Чужога ніхто не шкадуе; Чужым дабром добра шахраваць; Усе бірукі на чужое дабро; Чужое бачыць пад лесам, а свайго не бачыць пад носам.* Чужого всегда много, оно всегда на виду, своего же добра всегда мало. Русская фразеология отмечает его скрытость, своё добро не должен видеть никто; все чужое кажется легко нажитым, свое же – в поте лица, его нужно искать, поэтому чужое, кажущееся легко нажитым, очень притягательно. Смещение в оценке своего и чужого вызвано субъективными факторами, в первую очередь завистью, стремлением разбогатеть путем присвоения чужой собственности. В русской и белорусской наивной картине мира вообще отражается сема привлекательности чужого: *На чужое добро руки чешутся; Чужое завистливо; На чужое добро и глаза разгораются; Своё добро теряет, а чужого желает; Своё добро беречь ленился, а на чужое льститесь; Не вечеряй с мужем завистливым и не желай добра его; Куды ні аглянись, за чужым дабром кацісь; На чужое дабро лапкі ліжа; На чужое дабро вочы гараць.* Белорусы выявляют конкретный субъект, охочий до чужого добра: *Поп на чужое дабро зазіраецца.*

По мнению В.Н.Топорова, противопоставление *свой – чужой* относится к социальному типу [3, с. 157]. Через отношение к своему и чужому добру раскрываются отношения человека к миру, человека к человеку. В русской и белорусской фразеологии ряд ФЕ выражают предпочтение своему добру. В белорусской фразеологии чаще репрезентирована мысль о преимуществе своего перед чужим: *Лепей сваё благое, чым чужое добрае; Перад табою тваё дабро капою, не нада мне твайго нічога; Дай, Божа, сваё спажыць, а на чужое не разявацца; Свайго не меўшы, трэба легчы спаць не еўшы; Не зайздросці чужому, а прыдбай сваё и др.* В белорусском языке обнаруживаем форму проклятия тех, кто покушается на *мое* добро: *Каб цябе трут еў, як ты аб'ядаеш маё дабрыцо!*

Указывая на притягательность чужого, русские и белорусы осуждают желание захватить чужое, предупреждают о последствиях, о том, что оно не пойдет впрок. В сознании людей чётко прослеживается запрет на обладание чужим добром: *Чужое добро страхом огорожено; У чужым дабры ніхто не ўказчык.* Предметы окружающего мира пространственно разделены на *свои* и *чужие*. Чужое добро находится на чужой территории, оно огорожено, недоступно, и его нельзя желать: *Чужое добро не впрок; Чужим добром не построишь дом; Чужим добром не наживёшься; Чужое добро ребром выпрет; Чужое сваім не заві; У чужым свайго не найдзеш; Чужым дабром не забагацееш (не пражывеш); Як не шатайся, за чужое не хватайся – жыві сваім; На чужое дабро не разявай рта па самыя вушы; Чужое дабро не ідзе ў карысьць; Чужым дабром не цешся; Чужое не тучыць, бо сумленне мучыць; Чужое дабро бярэ за рабро (падпіраець пад рабро); Чужое бокам вылезе; Чужое дабро не грэе; Не руш чужога і не бойся нікога.* Обладание чужим добром связано с азартом и мотивом охоты: *За чужим добром не*

гоняйся с багром; За чужым ганіся, на сваё азірніся. Багор – железный крюк с прямым остриём и крючком [2, с. 90].

Русская и белорусская фразеология называет причину, почему нельзя присваивать чужое добро: возьмешь чужое – потеряешь свое: *За чужим добром бедность ведром; Не працягвай рукі на чужое, бо сваё згубіш; Не бяры чужога: аддасі сваё; Чужое беручы – сваё рыхтуй.* Желание лёгкой наживы в белорусском сознании связано с нечистой силой, которая искушает человека, толкает к греху воровства. В результате человек остается ни с чем: *Ты на чужое, а чорт на тваё.*

Интересно, что в белорусском мировидении представлен взгляд на аксиологичность чужого добра. К чужому добру следует относиться бережно, как к своему: *Хто чужога не шкадуе (шануе), той свайго не мае; Чужога дабра не гань, а свайго дрэннага не хвалі.*

В русской и белорусской фразеологии ярко репрезентирована мысль о необходимости сотворения добра для ближнего, добра, представленного как в виде поступков, конкретных дел, так и в виде материальных предметов, денег. В то же время в ответ на свое добро человек часто встречается с неблагодарностью, получает зло: *Моим добром да меня ж в рыло; Вашим добром да вас же челом; За наше добро да нам же рожон в ребро; За своим добром ходи да кланяйся; За маё дабро ды мне ў рабро; За маё дабро да мяне і набілі; За маё дабро мяне злом адбываюць; За сваё дабро ўсяк прыгаворыць; Маім дабром да і мне чалом.* В связи с этим в русском понимании выработалась схема отношений к другим людям: *Делай другу добро, да себе б без вреда; Своё добро в горсточку собирай, чужое сей, рассевай,* которая не отразилась в белорусском наивном мировидении, но которая, как можно наблюдать сегодня, впоследствии все же была усвоена.

Профиль русского концепта *свое добро* выглядит так: его ищут на стороне, если находят, можно брать: оно твое; его нельзя терять, нужно беречь, прятать (хоронить), собирать в горсточку. Оно желанно, и ради него следует быть скупым, о нем стоит хлопотать, над ним владыка только своя рука, его нужно сеять, веять, как зерно, чтобы дало урожай, можно есть с кашей, пахтать из него масло, оно устойчиво, надежно: на огне не горит, на воде не тонет и в земле не погниет, однако часто человек ленится его беречь. За свое добро могут переломить ребро, можно получить рожон в ребро, удариться лбом, за ним приходится ходить, кланяться. Локализация – в коробейке, под лавкой, в печи. Свое добро само может выступать как место локализации чего-либо: в нем нет воли, в своем добре может находиться человек, выглядя при этом большим.

Профиль белорусского концепта *своё дабро*: оно находится посередине шкалы Бог (дорогое добро) – черт (дешевое добро). Им живут, свое добро даётся для того, чтобы человеку хватило на жизнь и он не нуждался в чужом. Надо помнить о нем, хвалиться им, если оно хорошее, плохим хвалиться нельзя. С ним человек независим, никто ему не указчик. Оно ценнее чужого, даже если плохое, а чужое доброе. Оно связано с едой, без него надо ложиться спать голодным. На него нужно оглядываться, его нужно наживать (*рыхтаваць, прыдбаць*), можно потерять, отдать, его может забрать черт. Своего всегда мало, за ним надо смотреть, его нужно беречь, стеречь, охранять от воров и завистников, над ним владыка – своя рука, хозяин. За своё добро могут побить, дать в ребро, отплатить злом, обговорить. Локализация – перед тобою, под носом, за столом, его нет в чужом.

Профиль русского концепта *чужое добро*: не впрок, не носко, оно боком выпрет, им не построишь дом, им не наживешься, его нельзя желать, им нужно поступиться, его можно подносить ведром, сеять, рассевать (в смысле разбрасывать, разбазаривать), жать, пожинать, оно огорожено страхом, за ним бедность ведром, на него разгораются глаза, чешутся руки, льстятся, оно завистливо, им похваляются, оно желанно, за ним гоняются с багром.

Профиль белорусского концепта *чужое дабро*: оно берет за ребро, подпирает под ребро, не греет. Его нельзя звать своим, в нем никто не указчик. Чужое добро можно веять, на нем не разбогатеешь, за него нельзя хвататься, его нельзя брать, трогать, разрушать, обговаривать, разевать на него рот, ему нельзя завидовать, им не проживешь, оно не идет на пользу, ему нельзя радоваться, от него не растолстеешь, так как мучает совесть, на него нужно подносить слез ведро. Чужим не разбогатеешь, век не проживёшь, оно вылезет боком. Его никто не жалеет, им можно жульничать, на него лапки лижут, глаза горят, заглядываются. За ним можно гнаться, желать его. Чужое бывает доброе, без него

не обойтись, за ним часто надо катиться (т.е. одолжать), его нужно жалеть. Локализация – под лесом. Как локализация чего-либо: в нем нет своего.

При сопоставлении профилей концептов можно заметить как сходство, так и отличия в наивном мировидении двух народов: русское *своё добро* далеко, труднодостижимо, его нужно прятать, в нем нет воли, оно неуничтожимо; белорусское – близко, открыто для глаз, под носом, им можно и похвалиться. В русской фразеологии – делать добро нужно, не обижая себя, в белорусской такая сема не отражена, зато ярче репрезентирована тема охраны, защиты своего добра, впрочем, и чужого тоже, так как согласно белорусскому наивному мировидению есть *хорошее чужое*. Свое добро в русской фразеологии всегда окрашено положительно, в белорусской представлено *свое плохое* добро.

Через призму *чужого добра* рассматриваются человек, его совесть, нравственные и христианские позиции. Чужое добро запретно, *страхом огорожено*, находится в чужом пространстве – *над лесом*. Белорусский материал, связанный с чужим добром, более обширный, его директивная функция связана с уважением добра как своего, так и чужого. Белорусское чужое добро представлено как субъект, который сам наказывает захватчика и вора.

Так выглядит наивная, донаучная, концептуализация *своего* и *чужого добра* в русской и белорусской фразеологии. Известно, что картина мира динамична и под влиянием экстралингвистических факторов может изменяться. Чужое добро – это соблазн, так как позволяет достичь материального благополучия без собственных усилий. И мы можем наблюдать, как с течением времени присвоение чужого добра не в таких уж узких общественных кругах стало считаться нормальным, а люди, умеющие это делать, – умными и изворотливыми. Однако воздействие наивной картины мира, отраженной во фразеологии, на нацию доказано, и она, безусловно, сдерживает этот процесс.

1. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д.Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 895 с.

2. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка / В.Даль. – М.: Издание т-ва О.Вольф, 1913. –Т.1. – С. 90.

3. Иванов, Вяч. Вс. Славянские языковые моделирующие семиотические системы / Вяч. Вс. Иванов, В.Н.Топоров. – М.: Наука, 1965. – 245 с.

4. Колесов, В.В. Мир человека в слове Древней Руси / В.В.Колесов. – Л.: ЛГУ, 1986. – 311 с.

5. Юдин, А.В. Русская народная духовная культура / А.В.Юдин. – М.: Высшая школа, 1999. – 328 с.